

София Шапенко

День до весны

Новый Художественный театр провел в Челябинске юбилейный, десятый Международный театральный фестиваль-лабораторию спектаклей малых форм «ЧЕЛОВЕК ТЕАТРА». В этом году латинский фрагмент названия «СНЕЛ» (топонимическая отсылка к Челябинску) сменился русскими буквами Ч, Е, Л: вместо жонглирования смыслами – возвращение к традиции. Демонстрируя широкую театральную панораму России и стран ближнего зарубежья, фестиваль не забывает о главном: театр – дом, труппа – семья, зритель – Человек.

«Метель». Новый Художественный театр (Челябинск).
Сцена из спектакля. Фото И. Батаниной

За неделю фестиваля четырнадцать театральных коллективов из разных городов и стран представили шестнадцать постановок всевозможных жанров и направлений – от монобиографии до пластической психодрамы, от документального монтажа до комедии с элементами гротеска. Невероятная амплитуда красок и столь же невероятная коллекция сюжетов – «северные» сказки Писахова и автобиография Цветаевой; лукавый, с чертовщинкой Гоголь и океанически легкий Алессандро Барикко; угрюмо-тяжелый, как каменная плита, Леонов и абсурдный Хармс – насыщают зрителя на год вперед: только на внеконкурсном фестивале увидишь такое плотное и интересное межтеатральное общение.

Жанр спектакля «Метель» по пьесе Леонида Леонова – постановки хозяина фестиваля Нового Художественного театра – обозначен как мистическая драма – значит, сквозь метель проступит что-то нездешнее, странное, проявится сквозь пленку времени прошлое и станет черным-черно. Так начинается постановка художественного руководителя театра Евгения Гельфонда – ценителя редкой, притягательной, не виданной в обычном репертуаре драматургии и литературы.

Кажется, о метели русские писатели знают все. У Толстого богат и бедняк замерзают в поле, не зная, чья душа полетит на небо; у Булгакова молодой земский врач обливается холодным потом от ужаса перед стихией; наконец, у Пушкина метель – жестокая случайность – решает

К. Сальгадо – Порфирий, А. Зайков – Степан Сыроваров. «Метель».
Новый Художественный театр (Челябинск). Фото И. Батаниной

человеческую судьбу героя. У Леонида Леонова, советского драматурга, метель возвращает на Родину.

Под Новый, 1941-й год в старенькую квартиру на окраине СССР приходит Порфирий Сыроваров, бежавший из России после Гражданской. Он прожил одинокую и голодную жизнь русского эмигранта-разнорабочего и теперь вернулся домой. С безмолвного появления Порфирия в расстегнутой шинели и бумажной маске на пол-лица (так – в спектакле) в доме Сыроваровых начинается метель.

Квартира на сцене выстроена в форме трапеции: цветные стеночки, серые, будто из бетона, двери, абажур, шкаф, телефон, вдали вышки ЛЭП с проводами. Все домашнее утекает сквозь двери, через телефон по столбу вверх, в большое окно. Семейные тайны то и дело выскальзывают из крепости, которую здесь строят по кирпичику, и норовят залететь в чужие уши, дойти до высоких кабинетов. Совершенно точная сценография художника Сергея Александрова – дом без отца, где страх наполняет обитателей сверху донизу – весь день, каждый день. Хотя дело не в страхе, а в его преодолении – в замечательно человеческих сценах быта Сыроваровых.

Действие пьесы происходит в предновогоднюю неделю, в пору чудес и ожидания праздника. Нет времени грустить – завтра Новый год! Пора наряжать елку, звать друзей и веселиться. Веселье это – осторож-

«Метель». Новый Художественный театр (Челябинск).
Сцена из спектакля. Фото И. Батаниной

ное и пугливое, но все-таки задорное. В контексте страха домашний маскарад решен причудливо: двигаются в полумраке фигуры в масках, повторяют одни и те же движения; зайчики превращаются в волков и наоборот – этакая хармсовская фантазмагория, елочная жуть. Распоряжается балом Порфирий – безмолвная фигура у фортепиано: он один может запустить метроном, он управляет временем на расстоянии. Сильная, фактурная, наполненная изнутри работа Клаудио Сальгадо, актера чилийского происхождения, создает эмоциональную вибрацию спектакля: кажется, от него, истощенного бойца за свободу Испании, исходят токи времени.

Что касается семьи Сыроваровых и их «гостей» – здесь мы видим блистательную коллекцию актерских работ. Алексей Зайков, играющий Степана, жметесь и суетится, как хорек, но в то же время внутренне спокоен – он партработник, директор завода, все делает правильно, но каков абсурд! – через месяц «послушный гражданин» беспрепятственно сбежит за границу. Александр Майер в роли разбитого пьянством юриконсультанта, бывшего учителя гимназии, ныне – гнусного шантажиста, создает образ чуть ли не трагический – столько в нем безысходного страдания и жалости к собственной «уходящей натуре». «Колхозная» компания во главе с Лизаветой – актрисой Натальей Шолоховой, такой яркой, бойкой, русской, народной – заставляет смеяться сквозь слезы.

В. Жуков – Новеченто. «Новеченто». Московский независимый театр
«Выпускники-Шукинцы». Фото А. Углиржа

Исполнители ролей Зои, Мадали и Сережи (Мария Кристовер, Анатолий Коробейников и Богдан Нечаев) чуть прозрачны в характеристиках персонажей, но очень искренни. Закаленная революцией и ею битая Марфа Касьяновна (Евгения Зензина) – внешне суровая, железная большевичка с громовым голосом и стиснутыми губами – оказывается любящей, одинокой женщиной, проникательной, несмотря на слепоту, и довольно ранимой. Ее вечная помощница Зиночка (Ксения Бойко) – внешне манкая, женственная, пухленькая, такая наивная «булочка», обнаруживает себя хваткой, цепкой и очень даже приспособленной к жизни – с такой не пропадешь.

Мир, который описывает режиссер, обманчив. С одной стороны, перед нами – живые люди в конкретных бытовых ситуациях, каждая из которых срежиссирована чудесно, с теплым юмором и наблюдательностью; с другой – фигуры в масках на фоне холодной ночи за большим стеклом. Степан Сыроваров оказывается вором и убийцей, юрисконсулт – шантажистом, молодой Сережа – подлецом и трусом, а возлюбленный Марфы, Поташов – палачом...

Финальная сцена спектакля – вальс Зои и Мадали. Оба одеты в военную форму, и по блеску медалей на гимнастерках можно догадаться, что герои прошли Великую Отечественную войну – еще студенты, они мужественно защищали родину. Защищал ли ее Сережа – неизвестно.

И. Ларин – Сын. «Ленинградская симфония». Театр «Монплезир».
Фото И. Батаниной

Режиссер размышляет о судьбе молодого поколения, о нравственном выборе каждого. Это спектакль о Человеке, полный правды, сострадания и тепла.

Еще одной историей о человеке – во вполне конкретном, биографическом смысле – стал моноспектакль по пьесе Алессандро Барикко «Новеченто», поставленный Вячеславом Терещенко в Московском независимом театре «Выпускники-Щукинцы». Перед началом ведущие зачитывают внушительный список всевозможных фестивалей, конкурсов и смотров, лауреатом-призером-победителем которых стал «Новеченто», хотя настоящее искусство в подобной рекламе не нуждается.

Пьеса итальянца Алессандро Барикко начинается с Америки. С ее прохладного океанического дыхания. С деревянной палубы, на которой стоит человек, впервые увидевший ее, очарованный счастьем прибытия. Тот, кто уже был в Америке Хемингуэя, Стейнбека, Уильямса и Ремарка, кто ходил – в своем воображении – босиком по берегу океана, слушал черный джаз и смотрел на звезды. С первых строк пьеса погружает в удивительный мир – мир красоты и счастья странствий.

Спектакль играет Владимир Жуков. Бесконечно долго он выходит на сцену, долго стоит с чемоданом в голубых волнах света, долго молчит. А заговорит с невероятными интонационными переливами, подкрепляя каждое слово жестом, эксцентрично, громко, не заботясь о хрупкости

И. Ларин – Сын.
«Ленинградская симфония».
Театр «Монплеизир».
Фото И. Батаниной

и нежности материала – воспоминаний о погибшем друге, дорожке которого никого не было на свете. Актер, кажется, пренебрегает такими понятиями, как предлагаемые обстоятельства, время и место действия, правда физического существования, но что самое удивительное – в его игре, донельзя перенасыщенной движением, отсутствует «кинолента видения». И надо разобраться, почему.

Эта роль предполагает погружение в далекое прошлое, ограниченность места действия (корабль «Вирджинец») и игру «на двоих»: время от времени главный герой «переселяется» в Новеченто. Воспоминания субъективны, океан бесконечен, а Новеченто стал мифом. Все это позволяет впустить в спектакль мечту и наполнить его поэзией путешествий, той небрежной красотой, которой одарены люди у Стейнбека и в особенности – у Ремарка.

А что мы видим на сцене? Ничего, хоть отдаленно воспроизводящего внутренний мир гения. Акцент перенесен на внешнее, случайное: «обрисовка» музыкантов, напоминающая клоунские интермедии (белая салфетка – саксофон, фляжка для коньяка – кларнет); танцы под известные мелодии, которые срабатывают на публику и вне контекста; дух кафешантана... Простодушные зрители подумают, что это такая американская комедия на море, просвещенные и подготовленные предугадают банальность приемов через несколько минут после начала

С. Недугов – Иудушка.
«Иудушка. Страсти».
«Театральный ковчег».
Фото И. Батаниной

спектакля. А ведь в пьесе – судьба человека, никогда не сходявшего на берег, но странствующего по миру благодаря своей музыки. Непростительно упущены *МУЗЫКА* и *АМЕРИКА* – реальность иллюзии и иллюзия реальности. Проговорена, но не сыграна великолепная сцена – старый корабль списывают со службы, его должны пустить в расход, взорвать, и никогда не сходявший на берег великий музыкант отказывается покинуть свой дом, свой мир, свой «Вирджинец»... Он не хочет, не ищет встречи с реальностью. Его мир заключен в нем самом, в музыке внутри.

«Новеченто» можно играть, если чувствуешь дыхание океана. Тогда зашумит стихия, зазвучит джаз, и человек на палубе, у которого на языке ее имя, закричит: «А-ме-ри-ка!».

...Через несколько дней на сцене театра «Манекен», что неподалеку от Театральной площади и Городского сада им. А.С. Пушкина, представил свою новую работу давний друг фестиваля и замечательно талантливый актер из Петербурга – Игорь Ларин. Созданный им театр с чудесным названием «Монплеzir» (в репертуаре «Евгений Онегин», «Театральный роман», «Вертинский. Исповедь Барона»; все – моноспектакли Ларина!) – на этот раз обращается к документальному, даже биографическому материалу. Ларин ставит и играет «Ленинградскую симфонию» по блокадным воспоминаниям матери.

«Иудушка. Страсти». «Театральный ковчег». Сцена из спектакля.
Фото И. Батаниной

Режиссер сопровождает спектакль документальной кинохроникой, используя редкие архивные кадры. Игорь Ларин существует на сцене совершенно свободно: его теплые интонации, умная сосредоточенность потомственного интеллигента тотчас вызывают симпатию – не театральную, а человеческую. Актер ведет спектакль на очень спокойной ноте – она оправдана горькой памятью, темой, слишком близкой, чтобы спекулировать на ней, сентиментальничать, играть чувствами зрителей.

На удивление органично Ларин сплетает стихи (Анны Ахматовой, Ольги Берггольц) и песни военных лет с рассказом матери и фронтовыми письмами отца. Голос живой свидетельницы блокады звучит в записи, он дрожит, и мы словно видим ее в ленинградской квартире, в сумраке гостиной. Видим бабушкой и – в то же время – четырехлетней девочкой в городе смерти.

Огромную роль в спектакле играет старая кукла с голубыми глазами. Образ приходит из воспоминания о найденной на улице во время бомбежки кукле – подобравшая ее соседка решила, что погибла ее маленькая хозяйка. Одевая куклу в пальто, помогая ей записывать что-то в тетрадке, прижимая ее к груди, актер играет со временем: вот кукла – девочка – мама в блокадном детстве, а вот – она же – старенькая в чутких руках сына. Как тонко и уместно взаимодействие:

«Иудушка. Страсти». «Театральный ковчег». Сцена из спектакля.
Фото И. Батаниной

Ларин берет куклу, когда звучит голос матери, и как бы растворяется во времени.

Сложно назвать увиденное спектаклем – так страшна тема. Но трудно представить себе выступление более человечное, более необходимое и сердечное, чем «Ленинградская симфония». Разговор с мамой превратился в разговор с публикой – едва ли не самый серьезный за шесть дней фестиваля.

Таким же важным обращением к зрителю стал спектакль Сергеево-Посадского «Театрального ковчеха» «Иудушка. Страсти», поставленный Олегом Нагорничных по роману Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» как история превращения дворянской семьи в паучье логово, а родных людей – в злейших врагов. Отвечая на вопрос, кто виноват, режиссер называет спектакль именем главного героя, Порфирия Владимировича Головлева.

Спектакль богат яркими актерскими работами. Иудушка Сергея Недугова – настоящий иезуит, волк в овечьей шкуре (шкура у Иудушки настоящая – огромная, косматая шуба), не змей-искуситель, а хладнокровный хищник, не упускающий жертву. Работая глубоко и точно, Недугов, как ни странно, лишает образ Иудушки тех страстей, которые вынесены в название спектакля, и метаморфоза – превращение помещика-лицемера в Иуду – оказывается не столь существенной.

«Среди гостей в одной рубашке». Театр «ФЭСТ». Сцена из спектакля.
Фото И. Батаниной

Арина Петровна Марины Петуховой – грозная глава семейства, стойкая и несгибаемая, всегда уверенная в своей правоте – оказывается обманутой собственным сыном, ее легко обвели вокруг пальца. Мать превращается в маменьку, и признаки надвигающейся старости сыграны правдиво и верно. Заслуживают внимания и второстепенные персонажи: Владимир Михайлович (Владимир Шелехин) выскакивает из-под стола, как черт из табакерки, и гнусавым голосом глумится над маменькой; сын Иудушки Петр Порфирьевич (Александр Кравченко) вступает в поединок с отцом, пытаясь остановить распространение эпидемии зла. Не все актеры работают одинаково убедительно, но каждый демонстрирует достойный уровень мастерства и художественного вкуса.

Совершенно неожиданным оказалось выступление Мытищинского театра драмы и комедии «ФЭСТ» – «Среди гостей в одной рубашке» по произведениям Д.И. Хармса. Четыре актера (Антон Кузьменко, Наталия Ларюнина, Фарит Халяпов и Ульяна Чеботарь) создают карусель образов – за час перед нами проходит шестьдесят шесть персонажей. Они исполняют вокальные (музыкальное оформление – В. Шашек), танцевальные и акробатические номера (балетмейстер Н. Чукарина), умно и профессионально общаются с залом. Сценография Игоря Титоренко – лестница из свежеструганных досок, кумачовое знамя

«Среди гостей в одной рубашке». Театр «ФЭСТ». Сцена из спектакля.
Фото И. Батаниной

с фотографией Хармса вместо Ленина – напоминает самодеятельные подмостки Пролеткульта. Кроме того, спектакль сопровождается шуточным анимационным фильмом (видеорежиссер – С. Метелкин), в котором актеры летают на аэроплане, теряют ботинки и даже превращаются в собак.

Спектакль предлагает новый взгляд на Хармса. Из мрачного мизантропа, ненавидевшего детей и старух, он произведен в оптимиста, способного любой абсурд – даже абсурд смерти – превратить в смех. Жизненная сила Хармса предстает в спектакле во всей полноте, во всем своем блеске. Актеры «ФЭСТА» подарили нам истинную радость творчества – чувство редкое в современном театре.

Как говорила Екатерина Ильинична Еланская – все живое рождается в муках. «ЧЕЛОВЕК ТЕАТРА» замечателен тем, что помогает этому живому рождаться – пусть в муках, несогласии и сомнениях – а родившись, идти своей дорогой, прислушиваясь или не прислушиваясь к советам родителей. «Весна в Челябинске начинается “ЧЕЛОВЕКОМ ТЕАТРА”» – десятая, юбилейная неделя фестиваля позволяет сказать: весна в город пришла!